одном из московских балов в танцах, в той фигуре, когда две дамы подходят к кавалеру, называя себя каким-нибудь именем, и он одну из них выбирает, была шутка — преглупая — дамы спрашивают кавалера: кого вам, Шевырева или Грановского? Шевырев вспыхнет, когда узнает о таком злоупотреблении его собственного имени, тем паче, что обыкновенно был выбираем Грановский. Вот истинные лавры Профессора!» [28].

До самых последних дней жизни Языков продолжает видеть в Герцене опаснейшего врага. Встревоженный ложными слухами, 9 октября 1846 г. он пишет: «Слышно, что Герцен хочет или купить журнал или получить позволение на новый: ведь он теперь сделался по смерти отца миллионером и хочет действовать на Русь в своем поганом духе» [29].

Через много лет, вспоминая споры 40-х годов, Герцен писал о Языкове: «Умирающей рукой некогда любимый поэт... хотел стегнуть нас; по несчастию, он для этого избрал... полицейскую нагайку» (IX, 167). Субъективно Языков, конечно, не был доносителем. Его стихотворения против западников оказались, по выражению К. Аксакова, тем «звуком военной трубы», который поставил друг против друга идейных противников и показал всю тогдашнюю непримиримость их разногласий.

---

[28] Авт. ПД, 19.4.27.
[29] Авт. ПД, 19.4.27; ср. «Вестник Европы», 1897, № 12, стр. 648.